

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 141.319.8
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-285-296
EDN ENSICP

Игра в имитацию: симулятивная изнанка искусственного интеллекта

Иванова Р.А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Россия, 295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4
raisaivanova2013@yandex.ru

Аннотация. Феномен искусственного интеллекта многомерен: он включает формировавшееся на протяжении более чем полувека понятие, термин и непосредственно само явление. Совокупное представление об искусственном интеллекте в общественном сознании сложилось как упрощенный нерелексивный результат смешения различных смысловых слоев. Вследствие этого смешения можно зафиксировать вокруг искусственного интеллекта ряд мистификаций. Теоретическая спутанность смыслов усложняется практической симулятивностью, лежащей в основе функционирования искусственного интеллекта, представленного нейронными сетями как наиболее популярным его инструментом. Цель исследования – демифологизировать образ искусственного интеллекта в общественном сознании. Автором выделено три измерения искусственного интеллекта, в которых осуществляется его мистификация: терминологическое, понятийное и функциональное. Терминологическая мистификация в отечественной традиции во многом порождена нюансами перевода, понятийная мистификация связана с борьбой подходов к развитию искусственного интеллекта и подменой понятий в процессе этой борьбы. Подчеркнута роль психометрии в мистификации феномена искусственного интеллекта. Сделан вывод о том, что функциональное измерение искусственного интеллекта представляет собой зону перехода явления в симулякр в его бодрийровской трактовке.

Ключевые слова: интеллект, искусственный интеллект, нейросеть, симулякр, общественное сознание, мистификация

Для цитирования: Иванова Р.А. 2026. Игра в имитацию: симулятивная изнанка искусственного интеллекта. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(2): 285–296. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-285-296 EDN: ENSICP

The Imitation Game: The Simulative Underbelly of Artificial Intelligence

Raisa A. Ivanova

V.I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation
raisaivanova2013@yandex.ru

Abstract. The phenomenon of artificial intelligence is multidimensional: it includes a concept that has been formed for more than half a century, a term for designation in everyday speech, and the phenomenon itself. The collective idea of artificial intelligence in the public consciousness has developed as a

© Иванова Р.А., 2026

simplified, non-reflexive result of mixing different semantic layers. As a result of this confusion, it is possible to fix a number of hoaxes that create a mythical halo around artificial intelligence. The theoretical confusion of meanings is also complicated by the practical simulation underlying the functioning of artificial intelligence, primarily represented by neural networks as its most popular tool. The purpose of the study is to demythologize the image of artificial intelligence in the public consciousness. The author identifies three dimensions of artificial intelligence in which its mystification is carried out: terminological, conceptual and functional. Terminological mystification in the Russian tradition is largely generated by the nuances of translation, conceptual mystification is associated with the struggle of approaches to the development of artificial intelligence and the substitution of concepts in the process of this struggle. The role of psychometrics in the mystification of the phenomenon of artificial intelligence is emphasized. It is concluded that the functional dimension of artificial intelligence is a zone of transition of the phenomenon into a simulacrum in its Baudrillard interpretation.

Keywords: intellect, artificial intelligence, neural network, simulacrum, public consciousness, mystification

For citation: Ivanova R.A. 2026. The Imitation Game: The Simulative Underbelly of Artificial Intelligence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 285–296 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-285-296 EDN: ENSICP

Введение

На сегодняшний день в общественном сознании преобладает восторженно-паническое отношение к искусственному интеллекту. Феномены искусственного интеллекта преимущественно воспринимаются либо чудесной панацеей от всех проблем человечества, либо чудовищем, в итоге уничтожающим своего создателя. Принципиальное различие этих позиций мнимо – обе они представляют собой разнонаправленные крайности одного и того же технологического детерминизма, подразумевающего, что развитие техники предопределяет судьбу человечества.

Применительно к искусственному интеллекту аксиомы технологического детерминизма обретают оттенок мистификации вследствие опрометчивых уравниваний и преждевременных упрощений. Например, на заре создания основных представителей искусственного интеллекта – нейросетей – в середине XX века операция классификации изображений была неосмотрительно приравнена к разумности. Однако в задаче классификации изображений сложно обнаружить задачу моделирования мозга и когнитивных процессов, декларируемую отцами-основателями технологического воплощения современного искусственного интеллекта.

В результате конкретно этого и подобных некорректных отождествлений в дальнейшем развитую вычислительную статистику стали принимать за «сверхразум». Создающих ореол тайны (на самом деле – путаницу) факторов больше, они и являются предметом рассмотрения в данной работе.

Терминологическое измерение мистификации образа искусственного интеллекта в общественном сознании

Свою роль в мистификации феномена искусственного интеллекта сыграл и переводческий аспект. В русскоязычной традиции англоязычное понятие *artificial intelligence*, предложенное в 1957 году Дж. Маккарти, переводится как «искусственный интеллект». Такой, уже прочно закрепившийся в академическом дискурсе, перевод также порождает путаницу: русскому слову «интеллект» в английском языке соответствует слово *intellect*. Прежде чем сделать вывод о последствиях такого перевода, разберемся, как именно отличаются друг от друга *intelligence* и *intellect* в английском языке (табл. 1).

Таблица 1
Table 1Определения понятий intelligence и intellect в английском языке
Definitions of intelligence and intellect in English языках

Intelligence	Intellect
Способность учиться или понимать, иметь дело с новыми ситуациями или вызовами ¹	Способность к познанию в отличие от способности чувствовать или желать ² .
Способность индивида приобретать навыки и знания с последующим их примен ³ . Способность может быть определена как возможность быстро и легко обучаться ⁴	Относится к способности понимания явлений и объективному рассуждению ³ . Способность может быть определена как возможность размышлять и понимать, особенно сложные идеи ⁴
Обычно основывается на знаниях, охватывает умственные процессы за пределами логики	Является врожденным
Способность носит субъективный характер и основывается на персональных ментальных, интеллектуальных и личностных накоплениях	Способность носит объективный характер и не нуждается в избыточных данных, поскольку является врожденной
Поддается измерению	Не поддается измерению

Таким образом, несмотря на тенденцию к использованию этих понятий как взаимозаменяемых, вероятно, в силу того, что оба они относятся к области когнитивного, intelligence и intellect все же обладают различным содержанием. Intelligence – это про способность обучаться, ситуативное понимание, применение знаний в различных ситуациях, практическое решение проблем, приспособление к среде. Intellect больше относится к абстрактному мышлению, к пониманию сути вещей и сложных идей. То есть, в отличие от практически ориентированного, навыкообразного intelligence, intellect относится к теоретически направленному рассуждению, включает в себя абстрагирование, концептуализацию и суждение. Критическое мышление, опора на факты, учет жизненного опыта при принятии решений – специфика intellect. Скорость усвоения информации и ее применение в практических решениях – особенности intelligence. Приготовить еду по рецепту, основанному на тех ингредиентах, что есть в наличии, равно как и ядерную бомбу, – это сфера intelligence, отличить аксиологические векторы приготовления ядерной бомбы от приготовления еды – это сфера intellect.

В англоязычной традиции человек intelligent person – человек, который быстро учится, в то время как intellectual person – человек, который улавливает суть явлений, и это вовсе не обязательно один и тот же человек. Вследствие этого мы приходим к еще нескольким заключениям, напрямую вносящим долю ясности в русскоязычный дискурс об интеллекте и косвенно – об интеллекте искусственном.

Во-первых, известный своей дискуссионностью тест на IQ – это не тест на intellect, но тест на коэффициент intelligence (Intelligence Quotient). Соответственно, когда идет речь о тесте на IQ, должно подразумеваться не измерение неизмеримого – ума, как обычно считается, а измерение того, что измерить можно – скорости отдельных

¹ <https://www.merriam-webster.com/dictionary/intelligence>

² <https://www.merriam-webster.com/dictionary/intellect>

³ <https://www.differencebetween.net/language/words-language/difference-between-intelligence-and-intellect/>

⁴ <https://pediaa.com/?s=Intelligence+and+intellect>

когнитивных операций. Во-вторых, уже ставшие нарицательными благодаря стараниям специалистов в области психологии, выражения «социальный интеллект», «эмоциональный интеллект» и т. д. – это все тоже не про intellect, а про intelligence (Social Intelligence, Emotional Intelligence, etc).

Следовательно, в английском языке intelligence не наделяется антропоморфными смысловыми оттенками, как происходит при переводе на русский язык. Такой переводческий нюанс в определенном смысле усугубляет семантическую запутанность в русскоязычной исследовательской среде, однако сам факт использования слова intelligence вместо intellect отнюдь не облагораживает англоязычный дискурс. В этом случае мистификация искусственного интеллекта также происходит, однако осуществляется по иной смысловой траектории – понятийной. И если в случае с не совсем корректным переводом можно говорить о мистификации поверхностной, приводящей к внешней неясности, то в случае понятийной мистификации последствия происходят в глубине дискурса, там же и порождая симулякры.

Понятийное измерение мистификации образа искусственного интеллекта в общественном сознании

В конце 1920 годов инженер Ральф Хартли предлагал отказаться от используемого его современниками выражения act of intelligence – им описывалась работа операторов телеграфной инфраструктуры с принимаемым сигналом. Хартли пояснял, что такой термин слишком антропоцентричен и психологичен, ведь речь идет об «интерпретации сигнала», в то время как непосредственно самой интерпретации в смысле понимания и толкования от оператора не требуется. Задача оператора заключается в декодировании сигнала, то есть в «определении последствий выбора в пользу одного символа при отказе от другого символа» [Geoghegan, 2016, p. 177]. Смещение в пользу механистического понимания умственной деятельности также можно проследить по факту присутствия термина intelligence в названии секретных служб Великобритании (Secret Intelligence Service) и США (Central Intelligence Agency), а также в уже упоминаемых в данной статье видах intelligence и в понятии теста на Intelligence Quotient (IQ). Такие содержательные сдвиги вокруг и внутри понятия intelligence и вне контекста некорректного перевода слова на русский язык, соответственно, русскоязычным понятием «разума» не улавливаемые, воплотились в проекте искусственного интеллекта.

Нынешняя парадигма ИИ амбивалентна: она возникла вовсе не из когнитивных теорий, как верят некоторые, а из спорных экспериментов по автоматизации распознавания паттернов [Пасквинелли, 2024, с. 33]. История глубокого обучения началась с экстраполяции методов распознавания визуальных образов на невизуальные данные – аудио, видео, текст, самую разную поведенческую информацию. Что касается нейросетей как доминирующего сегодня вида ИИ – их расцвет начался в 2012 году, когда нейросеть AlexNet одержала победу в состязании в сфере компьютерного зрения¹. Своей победой на ImageNet Large Scale Visual Recognition Challenge эта знаковая модель произвела революцию в области компьютерного зрения и одновременно популяризировала глубокое обучение. С этого момента, говоря об искусственном интеллекте, стали подразумевать именно нейронные сети, хотя в середине XX века искусственные нейросети выступали прямым конкурентом искусственного интеллекта. Братья Дрейфусы описали это противоборство в совместном эссе «Создание сознания против моделирования мозга» в 1988 году, обозначив в нем две изначальных, различных и противостоящих друг другу, траектории искусственного интеллекта – символическую и коннекционистскую [Дрейфус Х.Л., Дрейфус С.И., 1998]. Символическая парадигма

¹ Сергеев В. 2025. Код, который все изменил: история AlexNet и ее наследие. URL: https://habr.com/ru/companies/ru_mts/articles/896478/ (дата обращения: 12.08.2025).

искусственного интеллекта связана с Дартмутским семинаром 1956 года, на котором Джон Маккарти предложил дискуссионный термин «искусственный интеллект». Коннекционистская парадигма своим источником имеет перцептрон Фрэнка Розенблатта, изобретенный в 1957 году и несколькими десятилетиями позднее развившийся в сверточные нейронные сети, породившие доминирующую ныне архитектуру глубокого обучения. Также эти парадигмы основываются на различных логиках и развивают разные эпистемологии. Символический подход зиждется на дедуктивной логике, соответственно, в его рамках разумность можно формализовать в виде суждений, поскольку это представление о мире. Согласно же коннекционистскому подходу, разумность – это опыт о мире, который можно смоделировать средствами индуктивной логики.

Мифологизация образа ИИ началась с того, что в 1943 году мир увидел труд, названный исследователем истории искусственного интеллекта Маргарет Боден «абстрактным манифестом вычислительной психологии» и основополагающим текстом как для коннекционистской, так и для символической ветви развития ИИ [Boden, 2006, p. 190] – статья нейрофизиолога Уоррена Мак-Каллока и математика Уолтера Питтса «Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности» [Мак-Каллок, Питтс, 2001]. В этой работе впервые предлагалось имитировать биологические нейроны внутри технического устройства посредством представления мозга человека как нервной сети, выполняющей логические операции. Идеи сетевого формата так или иначе проявлялись и ранее, однако Мак-Каллок и Питтс утверждали, что такие устройства могут «обучаться подобно мозгу» посредством самоорганизации и саморегуляции. Идея самоорганизующихся вычислений, способных адаптироваться к окружающей среде и «обучаться» устойчивым образом, стала ключевой частью «эпистемического ансамбля» кибернетики, проложившего путь к машинному обучению [Castelle, 2018].

Таким образом, ИИ XXI века является потомком самоорганизующихся вычислений XIX века. После статьи Мак-Каллока и Питтса и под влиянием актуальных достижений биологии, вектор кибернетических исследований сместился с имитации правил человеческого мышления на имитацию правил самоорганизации живых организмов и их адаптации к окружающей среде. Кибернетики стали рассматривать информацию не как аналоговые электрические сигналы, а как цифровые, дискретные, вычислительные биты, что означало зарождение идеи о том, что не только машины могут имитировать самоорганизацию живых организмов, но и цифровые компьютеры («автоматы с конечным числом состояний» у Тьюринга) [Turing, 1950]. Тот же перцептрон Розенблатта, имевший статус модели мозга, как устройство занимался не столько имитацией органических структур, сколько попытками самоорганизации информации. Так что произошел поворот от парадигмы линейной информации (представители – телеграф, символический ИИ) к парадигме самоорганизации (представители – кибернетические системы, коннекционистский ИИ). А также искусственному интеллекту незаметно была присвоена характеристика живого организма.

Но каким же образом Мак-Каллоку и Питтсу удалось понятийно мистифицировать ИИ? На вопрос «Эквивалентно ли распознавание образа логическому мышлению?» они отвечали утвердительно, заявляя, что любой зрительный паттерн (даже сложный, нечеткий и неполный) можно полностью определить, вычислив отношение его элементов, находящихся в поле зрения. По их мнению, задача распознавания (или классификация) паттерна решается с помощью алгоритма преобразования больших данных в простой двоичный вывод (0 или 1) и таким образом переформулируется в простой двоичный вопрос: «Принадлежит ли образ к этому классу или нет?» [Пасквинелли, 2024, с. 230]. Физик и математик фон Нейман соединил вычислительную логику с идеей распознавания зрительных паттернов и на выходе получил то, что затем вдохновило Розенблатта на создание перцептрона: жесткую логику заменил статистический расчет. Таким образом, искусственные нейросети, прямые потомки перцептрона Розенблатта, уже не являлись средствами логического умозаключения, превратившись в инструменты распознавания

паттернов, изначально именно зрительных. Получается, во-первых, автоматизация зрения (эмпирический материал для которой добывался изначально преимущественно посредством опытов на зрительных органах животных) по какой-то причине стала описываться в терминах антропоморфного восприятия, а во-вторых, во всех тематических исследованиях при этом не столько имитировалась конфигурация глазных нейросетей, сколько разрабатывались технологии самоорганизации данных для считывания зрительной матрицы. У самих же Мак-Каллока и Питтса в статье 1943 года «Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности» [McCulloch, Pitts, 1943] нейронные сети предлагается выстраивать по дедуктивному принципу с целью исчисления высказываний, а в статье 1947 года «Как мы познаем универсалии» [Pitts, McCulloch, 1947] речь ведется уже о нейросетях, организованных по индуктивному принципу для автоматического распознавания образов. Вспомнив о том, что ранее искусственному интеллекту была присвоена характеристика живого организма – способность к самоорганизации, неудивительно, что на выходе мы получаем практически образ искусственного интеллекта в нынешнем его понимании – как воспроизведения интеллекта человеческого.

Роль психометрии в мистификации образа искусственного интеллекта

В США появление перцептрона исторически совпало с обретением статистическими методами статуса преобладающих в психологии, что привело к институционализации статистики в середине XX века. Статистический поворот в психологии изучил и зафиксировал немецкий психолог Герд Гигеренцер: «Статистики принялись завоевывать новые территории в психологии в 1940-х годах... К началу 1950-х половина психологических факультетов в ведущих американских университетах предлагала курсы по методам Фишера и сделала выводные статистические методы обязательными для аспирантов. К 1955 году в более 80% экспериментальных статей в ведущих журналах использовались выводные статистические методы для обоснования заключений, основанных на данных... По этой причине я называю 1955 год ориентировочной датой институционализации статистики в учебных программах, учебниках и редакционных материалах... В экспериментальной психологии выводные статистические методы стали синонимом научного метода. С их помощью возникла большая часть концепций умственных процессов, запустивших в 1960-х годах т.н. когнитивную революцию... После институционализации выводных статистических методов широкий спектр когнитивных процессов подвергся переосмыслению через призму статистики...» [Gigerenzer, 1991].

Ключевым в XX веке являлся вопрос о соизмеримости «машинного» и человеческого «интеллектов». В качестве попытки решить эту проблему Тьюринг предложил свой известный тест на «разумность» [Turing, 1950]. Кибернетики утверждали, что у людей и машин есть какой-то пока что просто не обнаруженный общий «механизм». В период с 1955 по 1960 год статистический метод был «прошит» в методологию обработки информации искусственным интеллектом благодаря Розенблатту: ведь перцептрон зародился не как попытка автоматизировать логическое суждение, а как статистический метод, используемый при выполнении ряда когнитивных задач. Тем не менее «заслуга» превращения человеческого интеллекта в потенциально вычисляемый объект принадлежит не кибернетике – задолго до ее появления этим уже вовсю занималась психометрия. Следовательно, предпосылкой веры в возможность алгоритмизации интеллекта в XX веке являются всевозможные техники метрологии когнитивных способностей XIX века. В частности, историк науки Саймон Шаффер отмечает, что «в суждения о разумности машин вовлекались методы измерения результатов работы мозга» [Schaffer, 1999].

В начале XX века Чарльз Спирмен уже предлагал статистически измерять «общий интеллект» (опять же, ту его часть, которая *intelligence*) как корреляцию между решением

несвязанных задач в тесте навыков. Ученый был убежден, что обнаружение таких корреляций представляет собой математическое доказательство существования базовой когнитивной способности или «разумности» [Spearman, 1904]. Спирмен учитывал только два фактора – общий интеллект и конкретный навык, за что его позднее критиковали и предлагали расширить перечень признаков для анализа, однако при сохранении интенции рассмотрения интеллекта как совокупности внеконтекстуальных количественных параметров. В число теорий подобной направленности также можно включить не единожды уже упомянутый пресловутый тест на IQ.

Спирмен и последующие сторонники аналитического подхода к исследованию интеллекта поспособствовали опредмечиванию «интеллекта», укрепив мысль о том, что он вполне себе поддается статистическому измерению – просто нужно его сначала раздробить на параметры. Статистические инструменты психометрии обрели статус теорий разума, искусственно сконструировав вычислительную метафору разума, и затем, придав ей сциентизированный оттенок, редуцировали разум к вычислительной машине. В соответствии с таким представлением стало возможным размышлять об искусственном интеллекте как об автоматизированном интеллекте естественном.

Функциональное измерение: искусственный интеллект как многомерный симулякр

ИИ представляет собой не просто симулякр в бодрийеровском понимании (хотя оно, безусловно, взято за теоретическую основу), а симулякр многомерный. Первый и второй его измерения были проанализированы выше – это терминологическое и понятийное измерения. В обоих случаях мы наблюдаем смысловую подмену разного порядка.

Лингвистически навязываемое представление о том, что интеллект измерим (тест на IQ), в совокупности с представлением о том, что интеллект бывает разного вида (социальный, эмоциональный и так далее), лишают понятие интеллекта целостности. По сути, так осуществляется деконструкция интеллекта в духе постмодернистской стилистики: его существование не отрицается, но природа якобы переосмысливается, и путаница в понимании искусственного интеллекта является вполне закономерным следствием этой тихой деконструкции.

Деконструкция порождает симулякры. Она происходит посредством фрагментации, а затем включения каждого из фрагментов в новый контекст, что фактически означает навязывание части бывшего целого нового смысла какого-нибудь другого целого, и то не всегда. Беспорядочная эклектика смыслов влечет за собой путаницу, ведь прежние смыслы (источником которых было первичное целое) невозможно просто вычеркнуть и забыть просто потому что так хочется – это неестественный процесс, подобный тому, как мужчина становится женщиной или любовь превращается в проектные отношения. Интеллект разбивается на операции и виды, которым приписывается статус отдельной целостности. Далее закономерно следует наравне с интеллектами других видов появление интеллекта искусственного в образе объединителя отчужденных отдельных операций человеческого рассудка. Это уже не «старый добрый интеллект», но об этом новообразовании речь ведется так, как если бы она велась о «старом добром интеллекте». Что это, как не симулякр четвертого порядка, который утратил связь с реальностью и стал самодостаточным, существующим без опоры на дефрагментированный оригинал, представляя собой гиперреальность, продуцирующую реальность искусственную, в том числе и благодаря ширме мистификации?

Третье же измерение искусственного интеллекта как симулякра связано с ИИ-активностью. Рассматривая специфику симулякров нового типа, отечественный философ Алиев Р.Т. в статье «Метасимулякр и ИИ-симуляция: человек, медиа, интерфейсы» вводит применительно к искусственному интеллекту понятие метасимулякра, определяя его как гибридную форму симуляции, выходящую за рамки

классических представлений о знаках и их связях с реальностью. В отличие от симулякров «классических», метасимулякр не просто относительно пассивно воспроизводит или подменяет собой реальность, а достаточно активно преобразует ее посредством различных бриколажных тактик в цифровом пространстве [Алиев, 2025]. Эту же тенденцию обозначают и некоторые зарубежные исследователи, метафорически именуя ИИ «симулякром на стероидах» [Cunningham, 2024].

Ж. Бодрийяр в своем эпохальном труде «Симулякры и симуляция» [2016] проследил процесс развития симулякра от репрезентативного (еще хоть как-то отображающего оригинал) до нерепрезентативного (чистой симуляции, не нуждающейся в оригинале). Как отмечает Л.Ф. Хабибулина, «Бодрийяр проследил развитие симулякра от доброкачественного проявления (отражение фундаментальной реальности) через злокачественное (искажает фундаментальную реальность) к чародейству (маскирует отсутствие реальности)» [Хабибулина, 2022]. И искусственный интеллект в своем становлении симулякром прошел все обозначенные Бодрийяром четыре фазы развития, уже выходя в метафазу (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Фазы трансформации знака в условиях цифровой симуляции
Phases of Sign Transformation in Digital Simulation

Фаза	Описание фазы	Пример активности ИИ	Комментарий	Пример соответствующего ИИ
1	2	3	4	5
1. Отражение реальности	Знак отображает оригинал, признавая его существование в качестве первичного и свою от него зависимость	Ограниченная имитация ранними ИИ-системами отдельных человеческих проявлений	ИИ стремится реалистично воссоздать человеческую речь из текста, однако понятно, что перед нами модель синтетической речи	Ранняя имитация голоса (Text-to-Speech 2000-х); чат-боты с ограниченным словарем
2. Искажение реальности	Знак начинает искажать реальность, представляя ее через стилизации и интерпретации	Искусственная нейросеть, обученная на ограниченном наборе данных	ИИ интерпретирует реальность по усеченным признакам, формируя на выходе искаженную модель реальности	Uber Eats – сервис для улучшения фотографий блюд в меню. Нейросеть может переложить бургер на красивую тарелку, поменять фон, освещение, дорисовать недостающие ингредиенты или увеличить порцию
3. Претензия на реальность	Знак начинает претендовать на статус реальности, несмотря на отсутствие оригинала	Искусственная нейросеть генерирует объект	ИИ создает статистически синтезированный продукт, у которого нет источника как такового	Сгенерированные нейросетями тексты, картины, мелодии, видео, новости, не имеющие в основании человеческой субъектности или реальных событий в случае с фейковыми новостями

1	2	3	4	5
4. Чистая симуляция	Знак не имеет референта, но воспринимается как реальность	Искусственная нейросеть генерирует цифровую личность – аватар	Аватар бестелесен, не обладает опытом, но воспринимается как субъект	Vogue и реклама Guess с нейромоделью; ведущий новостей, созданный нейросетью
5. Метафаза	Знак подменяет реальность и преобразует ее	Любая активность, направленная на исследование (сбор данных) и имитацию коммуникации и межчеловеческих отношений (общение, интимность, дружба, романтика, любовь и т. д.).	У искусственной нейросети нет мотивации, чувств, желаний; она оперирует статистическими паттернами и, хотя адаптируется под пользовательский запрос, субъективностью не обладает. Тем не менее нейросеть зачастую воспринимается как обладающее внутренним содержимым. Связь кажется глубокой, однако она остается пустой	Большие языковые модели (LLM). LLM явно и неявно используются в осуществлении множества операций в цифровом пространстве: онлайн-поиск, чат-боты, анализ настроения пользователей, покупателей, модерация контента, переводы, программирование и т. д. Архитектурный тренд «Смесь экспертов» (MoE) – использование вместо одной универсальной модели множество небольших, но специализированных под конкретные контексты

Метафаза ИИ как симулякра связана с двумя мультикластерами активности искусственных нейросетей: неявным сбором как можно большего количества данных для непрерывного обучения и имитацией коммуникации и различных форм межчеловеческих отношений. Именно такого рода активность, с одной стороны, преобразует социальную реальность, с другой стороны, это преобразование основывается на техниках утонченной симуляции.

Добыча всевозможных данных о человеке IT-гигантами достигла беспрецедентных масштабов и «наглости», поскольку, как заключил Клайв Хамби, британский математик, считающийся первым, кто сравнил данные с нефтью в 2006 году: «Данные – новая нефть. Они ценны, но не могут быть использованы без обработки. Нефть должна превратиться в топливо, пластик, химикаты и так далее, чтобы стать ценным ресурсом, приносящим доход; также данные должны быть разобраны и проанализированы, чтобы иметь вес» [Уолш, 2019, с. 231]. Ввиду развития и распространения инструментария искусственного интеллекта повседневная жизнь буквально колонизирована обработкой информации. Вскоре невозможно будет отыскать место, где нас никто не отслеживает, не анализирует, не классифицирует, – это заявляют люди, не просто приближенные к миру технологий, а погруженные в него с головой, такие как Капитан Хофф (дружеское прозвище в Силиконовой долине), директор технологического бизнес-акселератора [Хоффман, 2023, с. 259]. Как выразилась математик Ханна Фрай, «если данные – это новое золото, то мы

с вами живем на Диком Западе» [Фрай, 2020, с. 73]. Помимо изменений, назревающих в архитектуре социума (что могло бы выступить предметом отдельного исследования), успехи в Big Data провоцируют возмутительную подмену понятий: сведения о человеке ничего не скажут о том, каково это – человеком быть. Тем не менее ошеломительный массив самых разных данных, переработанных в набор паттернов о человеческом поведении, позволяет это самое поведение имитировать и тем самым создавать симулякр коммуникации и межчеловеческих отношений. Тогда как изменяя и направляя коммуникацию и формы межчеловеческих отношений – изменяешь и направляешь мир.

Заключение

Таким образом, из дискурса об искусственном интеллекте можно эксплицировать несколько уровней, на которых осуществляется мистификация его образа в общественном сознании. Этот процесс не очевиден, что позволяет говорить о наличии у искусственного интеллекта симулятивной изнанки.

Первый уровень, на котором мы сталкиваемся со смысловой неоднозначностью, ведущей к дальнейшим заблуждениям, – терминологический. В англоязычной традиции закреплена формулировка *artificial intelligence*, а не *artificial intellect*. *Intelligence* не наделяется антропоморфными коннотациями, как это происходит при переводе на русский язык. Такой переводческий нюанс углубляет смысловую путаницу в русскоязычной традиции, тем более что употребление слова *intelligence* вместо *intellect* не делает англоязычный дискурс более определенным. В этом случае искусственный интеллект также мифологизируется, с тем отличием, что происходит это в понятийной сфере. И если в случае с не совсем корректным переводом можно говорить о мистификации поверхностной, приводящей к внешней неясности, то в случае понятийной мистификации последствия происходят в глубине дискурса, порождая симулякры.

На втором уровне, понятийном, осуществляется сдвиг в сторону механистического понимания умственной деятельности. Это происходит под влиянием нескольких факторов. Во-первых, автоматизация зрения (эмпирический материал для которого добывался изначально преимущественно посредством опытов на зрительных органах животных) вдруг начинает представляться в терминах антропоморфного восприятия; во-вторых, во всех тематических исследованиях при этом не столько имитировалась конфигурация глазных нейросетей, сколько разрабатывались технологии самоорганизации данных для считывания зрительной матрицы. Несколько ранее искусственному интеллекту была присвоена характеристика живого организма – способность к самоорганизации, вследствие чего мы получаем практически образ искусственного интеллекта в нынешнем его понимании – как воспроизведения интеллекта человеческого.

Весомый вклад в мистификацию искусственного интеллекта внесла психометрия. Спирмен и последующие сторонники аналитического подхода к исследованию интеллекта поспособствовали опредмечиванию «интеллекта», укрепив мысль о том, что он вполне себе поддается статистическому измерению. Статистические инструменты психометрии обрели статус теорий разума, искусственно сконструировав вычислительную метафору разума, и затем, придав ей сциентизированный оттенок, редуцировали разум к вычислительной машине. В соответствии с таким представлением стало возможным размышлять об искусственном интеллекте как об автоматизированном интеллекте естественном.

Метафаза III как симулякра связана с двумя мультикластерами активности искусственных нейросетей: неявным сбором как можно большего количества данных для непрерывного обучения и имитацией коммуникации и различных форм межчеловеческих отношений. Именно такого рода активность, с одной стороны, преобразует социальную реальность, с другой стороны, это преобразование основывается на техниках утонченной симуляции.

Список литературы

- Алиев Р.Т. 2025. Метасимулякр и ИИ-симуляция: человек, медиа, интерфейсы. *Человек*, 6(1): 102–120. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0236200725010076>.
- Бодрийяр Ж. 2015. Симулякры и симуляция. Пер с фр. М., ПОСТУМ, 240 с. (Baudrillard J. 1981. *Simulacra et Simulation*. Paris, Galilee, 235 p.).
- Дрейфус Х.Л., Дрейфус С.И. 1998. Создание сознания против моделирования мозга: искусственный интеллект вернулся на точку ветвления. В кн. *Аналитическая философия: становление и развитие*. М., Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция: 401–432.
- Мак-Каллок У., Питтс У. 2001. Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности. В кн. Галушкин А.И. Цыпкин Я.З. Нейронные сети: история развития теории. М., ИПРЖР: 5–22.
- Пасквинелли М. 2024. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта. Пер. с англ. М., Individuum, 352 с. (Pasquinelli M. 2023. *The Eye of the Master. A Social History of Artificial Intelligency*. London, New York, VERSO, 267 p.).
- Уолш Т. 2019. 2062. Время машин. Пер. с англ. М., АСТ, 320 с. (Walsh T. 2018. 2062: The World that AI Made. Melbourne. Schwartz Books Pty. Ltd., 326 p.).
- Фрай Х. 2021. Hello world! Как быть человеком в эпоху машин. Пер. с англ. М.: Corpus, 320 с. (Fry H. 2018. *Hello World! How to be Human in the Age of the Machine*. Ealing, Transworld Digital, 258 p.).
- Хабибулина Л.Ф. 2022. Симулякр и симуляция как проблема философского дискурса. Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 11(2А): 164–169. DOI: 10.34670/AR.2022.38.19.022
- Хоффман С. 2023. Пять сил, изменяющих всё: как технологии формируют наше будущее. Пер. с англ. М., Портал, 480 с. (Hoffman S. 2021. *The Five Forces That Change Everything How Technology Is Shaping Our Future*. Dallas, Matt Holt Books, 320 p.).
- Boden M. 2006. *Mind as Machine: A History of Cognitive Science*. Oxford, Publ. Oxford University Press, 1700 p.
- Castelle M. 2018. Deep Learning as an Epistemic Ensemble. URL: <https://castelle.org/pages/deep-learning-as-an-epistemic-ensemble.html> (accessed at: 12.08.2025)
- Cunningham J. 2024. Simulacra on Steroids: AI Art and Baudrillardian hyperreal. *Issues in Information Systems*, 25(2): 1–8.
- Geoghegan B.D. 2016. *Digital Keywords: A Vocabulary of Information Society and Culture*. Publ. Princeton University Press, 297 p.
- Gigerenzer G. 1991. From Tools to Theories: a Heuristic of Discovery in Cognitive Psychology. *Psychological Review*, 98(2): 254–267.
- McCulloch W.S., Pitts W. 1943. A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity. *Bulletin of Mathematical Biophysics*, 5: 115–133.
- Pitts W., McCulloch W.S. 1947. How We Know Universals the Perception of Auditory and Visual Forms. *Bulletin of Mathematical Biophysics*, 9: 127–147.
- Schaffer S. 2007. OK Computer. URL: <http://www.imaginaryfutures.net/2007/04/16/ok-computer-by-simon-schaffer/> (accessed at: 12.08.2025).
- Spearman Ch. 1904. General Intelligence: Objectively Determined and Measured. *American Journal of Psychology*, 15(2): 201–292.
- Turing A. 1950. Computing Machinery and Intelligence. *Mind*, LIX, 236: 433–460.

References

- Aliev R.T. 2025. Metasimulyakr i II-simulyatsiya: chelovek, media, interfeisy. [Metasimulacrum and AI Simulation: Human, Media, Interfaces]. *Chelovek*, 6(1): 102–120 DOI: [10.31857/S0236200725010076](https://doi.org/10.31857/S0236200725010076)
- Bodriiyar Zh. 2015. Simulyakry i simulyatsiya. [Simulacra and Simulation] Translated from the French. М., POSTUM, 240 p. (Baudrillard J. 1981. *Simulacra et Simulation*. Paris, Galilee, 235 p.).
- Dreifus Kh.L., Dreifus S.I. 1998. Sozdanie soznaniya protiv modelirovaniya mozga: iskusstvennyi intellekt vernulsya na tochku vetvleniya [Making a Mind Versus Modelling The Brain: Artificial Intelligence Back at a Branch-Point]. In *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical Philosophy: Formation and Development]. М., Dom intellektual'noi knigi, Progress-Traditsiya: 401–432.

- Mak-Kallok U., Pitts U. 2001. Logicheskoe ischislenie idei, odnosyashchikhsya k nervnoi aktivnosti [A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity]. In: Galushkin A.I. Tsypkin Ya.Z. Neironnye seti: istoriya razvitiya teorii [Neural Networks: History of Theory Development]. M., IPRZhR: 5–22.
- Paskvinelli M. 2024. Izmeryat' i navyazyvat'. Sotsial'naya istoriya iskusstvennogo intellekta [The Eye of the Master. A Social History of Artificial Intelligency]. Translated from English. M., Individuum, 352 p. (Pasquinelli M. 2023. The Eye of the Master. A Social History of Artificial Intelligency. London, New York, VERSO, 267 p.).
- Uolsh T. 2019. Vremya mashin [2062: The World that AI Made.]. Translated from English. M., AST, 320 p (Walsh T. 2018. 2062: The World that AI Made. Melbourne. Schwartz Books Pty. Ltd., 326 r.).
- Frai Kh. 2021. Hello world! Kak byt' chelovekom v epokhu mashin [Hello World! How to be Human in the Age of the Machine]. Translated from English. M., Corpus, 320 p. (Fry H. 2018. Hello World! How to be Human in the Age of the Machine. Ealing, Transworld Digital, 258 p.)
- Khabibulina L.F. 2022. Simulyakr i simulyatsiya kak problema filosofskogo diskursa [Simulacrum and Simulation as a Problem of Philosophical Discourse]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 11(2A): 164–169. DOI: 10.34670/AR.2022.38.19.022
- Khoffman S. 2023. Pyat' sil, izmenyayushchikh vse: kak tekhnologii formiruyut nashe budushchee [The Five Forces That Change Everything How Technology Is Shaping Our Future]. Translated from English. M.: Portal, 480 p. (Hoffman S. 2021. The Five Forces That Change Everything How Technology Is Shaping Our Future. Dallas, Matt Holt Books, 320 p.)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.09.2025

Received September 02, 2025

Поступила после рецензирования 02.12.2025

Revised December 02, 2025

Принята к публикации 30.05.2026

Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иванова Раиса Алексеевна, кандидат философских наук, ассистент кафедры религиоведения и философии культуры, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия.

Raisa A. Ivanova, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of the Department of Religious Studies and Philosophy of Culture, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.